

Лу И уже не хотел его слушать, даже не удостоивая взглядом. Его наигранное поведение было слишком раздражающим, и господин Лу боялся, что, взглянув на него еще раз, он просто раздавит его.

В дождливую погоду его самоконтроль ослабевал, и из глубины души вырывался кровожадный зверь, готовый вырваться наружу.

Помня о многолетней дружбе и о том, что убийство Чжан Цимина принесет ему много хлопот, Лу И лишь слегка дернул указательным пальцем, лежащим на спинке кресла.

Подойдя к концертному залу, они увидели, что на лужайке аккуратно расселись люди, а на большом экране музыкального корпуса несколько юношей и девушек исполняли ноктюрн.

Увидев столько людей, господин Лу сразу разозлился, и его подавленное настроение начало проявляться на лице.

Чжан Цимин, не замечая этого, взглянул на экран и наклонился к Лу И:

— Господин, их выступление выглядит интересным. Кажется, нам даже присылали приглашение. Может, зайдём внутрь?

Лу И сидел в инвалидном кресле, опираясь кулаком на висок, его бледное и прекрасное лицо было бесстрастным.

Гром грянул, яркая молния прочертила небо, осветив его лицо, словно призрака.

Лу И слегка приоткрыл глаза, и зверь внутри него почти полностью захватил его сознание, готовый вырваться из глубин души.

В этот момент ведущий на сцене уверенно объявил:

— ...А теперь мы представляем вам исполнение «Хорватской рапсодии» классом 2-1.

Тихое звучание скрипки протянуло длинную ноту, и звуки фортепиано внезапно заполнили площадь.

Лу И невольно повернул голову, и его зрачки сузились.

Хмурое небо время от времени озарялось молниями, сопровождаемыми громовыми раскатами, и воздух был наполнен дрожащими частицами, готовыми взорваться.

Музыка, ударяющая по клавишам, казалось, проникала сквозь экран, заставляя каждую пылинку танцевать.

Хорватия была пропитана кровью, война бушевала, и среди руин еще не рассеялся дым. Поднимающийся дым был печален и жесток, символизируя угасание жизни.

Здесь не было ни цветов, ни птиц, ни людей.

Только бесконечная серая пустота и мрачное небо.

Скрипка звучала настолько печально, что хотелось плакать, и музыка фортепиано постепенно нарастала, заставляя всю скорбь и гнев вырваться наружу.

Все затаили дыхание, глядя на экран. Несколько юношей, излучающих надежду, стояли на сцене, и зеленоватые лучи света неотрывно следили за ними.

Жэнь Эрпан бил в барабаны, его пухлое лицо морщилось от напряжения, и он трясся в такт, что выглядело довольно забавно. Оператор, видимо, боясь, что он слишком привлечет внимание и испортит атмосферу, перевел камеру на дирижера Чэнь Линя, а затем медленно переместил ее на Чэн Сыгу. Школьный принц в такие моменты выглядел невероятно привлекательно, пот пропитал его волосы, капли падали на струны, а его длинные пальцы управляли смычком, то печально, то страстно, вызывая желание смотреть на него без остановки.

Затем камера переместилась на пианиста, и оператор, казалось, особенно любил этого человека, несколько раз давая ему длинные планы, даже показывая дрожащие ресницы.

Чжоу Хуайцзин был одет в простую белую рубашку, пот тонкой пленкой покрывал его лоб, собираясь в крупные капли, которые скатывались по его лицу, проходя по гладкой щеке и зависая на подбородке. Его движения во время игры были более энергичными, чем обычно, и, если он не был осторожен, капли пота падали на ресницы. Если бы пот попал в глаза, это вызвало бы боль, поэтому Чжоу Хуайцзин украдкой моргнул правым глазом, но камера оказалась прямо перед ним, и это выглядело так, будто он специально подмигнул зрителям.

Взгляд Лу И полностью сосредоточился на этом человеке, словно чья-то рука пыталась коснуться его лица.

Она прошла по лбу, покрытому каплями пота, нежно коснулась бровей, прошла по тонким векам, чувствуя, как под ними движутся глаза, а затем ладонь с мозолями обняла его щеку, и большой палец начал издеваться над мягкими, беззащитными губами.

Чжан Цимин с изумлением наблюдал, как у господина Лу поднимается один волосок, затем другой, и еще один... и, наконец, все волосы встали дыбом, а гель для волос с жалобным стоном отвалился...

Ах, он совсем забыл об этом!

Чжан Цимин уже заметил, что многие дети вокруг начали бросать на них странные взгляды.

Музыка продолжалась, и среди разрушенного поля боя царил унылая пустота.

Но жизнь таилась в ней.

Гром.

Ветер и гром перекликались, и среди развалин, казалось, какое-то семя откликнулось на призыв неба, выпустив нежный росток, который мягкими руками отодвинул камни и осторожно выглянул на поверхность.

Нежный росток дрожал под порывами ветра, страдая, но неся надежду.

Он медленно выпускал бутон и постепенно, очень медленно, раскрывал лепестки.

Белый цветок расцвел среди руин.

Как кипящая вода, он выпускал все большие пузыри, пока, наконец, не взорвался,

разбрызгивая капли по всему воздуху.

Когда музыка закончилась, четверо вышли на сцену, чтобы поклониться, и зал взорвался аплодисментами.

Все на площади встали, аплодируя, крича и свистя, бросая вызов ветру.

Чжоу Хуайцзин был весь в поту, и камера показала его спину, на которой тонкая рубашка прилипла к телу, когда он уходил со сцены.

Взгляд Лу И стал глубже, и он пристально смотрел на эту фигуру.

Чжоу Хуайцзин вернулся за кулисы, где все молча смотрели друг на друга, а затем одновременно заулыбались и, радостно смеясь, повалили его на пол.

— Ха-ха-ха, я настоящий провидец! — Чэн Сыгу, навеселе, уже собирался поцеловать нежную щеку Чжоу Хуайцзина, но ладонь безжалостно закрыла его рот и оттолкнула назад.

Лу Чан смотрел на них сверху вниз, и все, увидев его, сразу прекратили дурачиться, отступив. Чжоу Хуайцзин с облегчением вздохнул, его волосы были растрепаны, одежда помята, а щеки все еще горели от игры, что делало его похожим на только что измученного человека.

Чжоу Хуайцзин был слишком изящным, хотя и не походил на девушку, его черты лица были настолько совершенны, что казались шедевром Бога, и его вид вызывал странное смущение. Жэнь Эрпан и Чэнь Линь одновременно отвернулись. Жэнь Эрпан, глядя свой живот, с сожалением подумал: «Черт возьми, Бог, когда создавал его, наверное, задремал, и чуть не слил глаза и брови в одно».

Чжан Ли робко стояла у двери, наблюдая за всем. Когда Чжоу Хуайцзин заметил ее, она опустила глаза и, покраснев, набралась смелости подойти.

Все с интересом смотрели на девушку. Чжан Ли была вся в краске, она тихо сказала Чжоу Хуайцзину:

— Спасибо, что помогли мне.

Чжоу Хуайцзин моргнул, размышляя, что, по сути, он помог не ей, а Чэн Сыгу, поэтому, возможно, не стоит принимать ее благодарность.

Все, видя, что Чжоу Хуайцзин стоит как вкопанный, а краска на лице Чжан Ли постепенно сходит, и она выглядит растерянной и неловкой, первым понял Чэн Сыгу, который с улыбкой сказал:

— Да, да, спасибо тебе большое, без тебя выступление бы сорвалось.

— Хуайцзин играет просто великолепно, — добавил Чэнь Линь.

— Хе-хе-хе, за что благодарить, Хуайцзин ведь тоже из нашего класса, — нагло заявил Жэнь Эрпан. — Мы вместе живем, вместе умираем, делим радости и горе.

— Кто с тобой вместе живет? — с презрением фыркнул Чэнь Линь.

Чжоу Хуайцзин почувствовал странное удовлетворение, слова застряли у него на языке, и он сказал Чжан Ли:

— Я из класса 2-1.

Внутри него что-то мягкое и теплое, как вата, наполнило его, и он решил, что спросит об этом у брата, когда вернется домой.

Чжан Ли удивилась, а затем улыбнулась, как цветущая груша, и кивнула:

— Да, мы одна команда.

— Кстати, Чжан Ли, почему Ван И специально плеснула на тебя водой? — с ненавистью сжал кулак Жэнь Эрпан. У этой Ван И была настоящая болезнь принцессы, она всегда была грубой, но раньше не позволяла себе так открыто обижать других, особенно перед таким важным выступлением. Если бы Чжан Ли опозорилась перед зрителями, это бы ударило по репутации всей школы Чэньгуан.

Чжан Ли с недоумением покачала головой:

— Не знаю. Мы никогда не разговаривали.

Она посмотрела на свою перевязанную правую руку, и в ее сердце зашевелилась обида.

<http://bllate.org/book/16647/1525302>